

УДК 371.687

ТЕЛЕВИЗИОННОЕ НАСИЛИЕ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ КАРТИНЫ МИРА У ЗРИТЕЛЕЙ

© 2009 г.

А.Н. Фортунатов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

anfort@mail.ru

Поступила в редакцию 16.01.2009

Обращается внимание на противоречивость феномена насилия и его интерпретаций современными СМИ, особенно телевидением. Попытки обуздать информационную агрессию наталкиваются на амбивалентный статус СМИ в обществе: долг летописца вступает в противоречие с этикой. В результате легитимация и тривиализация насилия – это прямое следствие этической и социальной бесконтрольности телевидения и других массмедиа.

Ключевые слова: насилие, телевидение, реальность, аудитория.

Информационное воздействие массмедиа на аудиторию как научная проблема было поставлено еще в первой половине XX века. С появлением телевидения, массового, мощного и чрезвычайно эффективного инструмента формирования отношения аудитории к окружающему миру, интерес к этой проблематике вышел на новый уровень. Одной из центральных тем подобного рода исследований было медиальное насилие и его роль в трансформации представлений людей о реальной жизни.

Однако, если суммировать краткий обзор известных подходов к изучению медиального воздействия, бросается в глаза их чрезмерная пестрота, противоречивость, доходящие порой до полярно противоположных оценок, иногда и априорная идеологическая заданность. Например, теория стимуляции и теория социального научения являются основой для нарастающих обвинений в адрес телевидения. Сторонники обвинительной позиции говорят о заведомом оправдании насилия через его медиальную презентацию, о десенсибилизирующем действии подобных сцен на сознание подростков, об имитирующем научении и т.д. [1]. Приходится лишь удивляться тому, насколько толерантными и нежестокими остаются нынешние подростки, ежедневно получающие столь неоправданно большой заряд отрицательных эмоций. Ведь если бы их поведение действительно напрямую зависело от телевизионного влияния, преступные действия исчислялись бы тысячами, реальность приблизилась бы к виртуальному отражению! На фоне споров о самом феномене насилия подобная картина вряд ли способна дать достойный материал для методологического решения проблем, связанных с телевизионным потреблением.

С другой стороны, противники строгих законодательных и административных мер, ограничивающих показ сцен насилия на телевидении, считают, что «кинематографическое изображение» действует лишь на маргинальные группы, изначально «склонные к неадекватному поведению» [2]. Здесь уже в ход идут концепты С. Фэцбэча, которые, несмотря на их критику, по-прежнему служат неплохой опорой для подобного рода идеологем. Ученый объяснял установившееся отсутствие агрессии после непрерывной рецепции программ, содержащих насилие, феноменом «замещающей» агрессии, которая должна была вести к угнетению личностных негативных проявлений или к усилению контроля над ними [3, с. 444].

Эти радикальные расхождения весьма характерны. Телевидение воспринимается либо изолированно от множества других факторов, влияющих на реальное положение дел, либо его роль нивелируется до уровня малозначительных, второстепенных источников воздействия на психоэмоциональное состояние человека. Линейные, заведомо тенденциозные оценки роли телевидения создают идеальное поле для различных манипулятивных практик, в том числе и в научном мире.

Кроме того, не учитывается важный момент: в любую историческую и социальную эпоху феномен насилия воспринимался прежде всего эмоционально, т.е. на уровне, выходящем за пределы логики, и значит, на его рецепцию оказывали и будут оказывать влияние экспрессивно-эстетические и коммуникативные факторы, понятные и доступные в данный момент времени широкой публике. Одна из таких особенно мощных сил, вне всяких сомнений, – те-

левизионная культура, равно как недавно властителем дум был кинематограф, а еще раньше – бульварная пресса. Вот почему в одну эпоху неспешные события, происходившие на киноэкране, воспринимались как катализатор насильственных действий, а с развитием коммуникационных технологий их сменили бесконечные, сконструированные телевизионные герои и компьютерные, поражающие воображение монстры. Исследования кинематографа, проводившиеся в разных странах в начале XX века, давали сходные результаты: кинофильмы, весьма наивные и даже целомудренные, если их оценивать по нынешним меркам, оказывали в момент их появления заметное «криминализирующее влияние» на подростков [4, с. 9], [5]. А ведь тогда еще информационный хаос не захлестывал общество, оно еще не было сбито с толку, в том числе и различными «научно обоснованными» концепциями, и вещи можно было называть своими именами.

Современные коммуникативные отношения, особенно если речь идет о массовой коммуникации, являются высокотехнологичной сферой социальной деятельности, представляющей собой крайне искусственное образование (речь идет как о технологиях передачи информации, так и о «гуманитарных технологиях», продуманных и отработанных алгоритмах формирования общественного мнения). Искусственность в таком контексте – это не нарочитая фантазийность, а именно тщательно просчитанный и дозированный баланс между правдой и вымыслом, между возможным и неосуществимым. Многочисленные исследования подтверждают уже высказанный нами тезис: современное поколение подростков в процессе взросления воспринимает через телевизионные программы громадное количество сцен убийств, насилия и жестокости, исчисляемых десятками тысяч [6, с. 62]. И поскольку каждая из этих сцен сделана правдиво, так как непременно стремится привлечь к себе внимание зрителя, возникает ощущение тотального давления псевдореальности на сознание и на мир вокруг нас. Проводником этой повышенной агрессии и является телевидение.

Не вызывает удивления обнаруженный немецкими учеными целый пласт людей, не только целиком зависящих от продукции СМИ, но и превратившихся в настоящих теленаркоманов [5, с. 84]. Страх перед насилием, льющим с экранов телевизоров, принуждает их думать, что то же самое происходит и за окнами их квартиры, хотя в реальности ничего подобного нет: количество жертв и катастроф несоизмеримо ниже (исследования научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Серб-

ского свидетельствует, что в течение суток зритель получает «свыше ста сцен убийств и насилия с кровью») [7]. Немецкий психотерапевт Колин Голднер основал особый «Форум», оказывающий помощь тем, кто психологически пострадал от передач ток-шоу [8]. Исследования в Германии о поведении детей после просмотра очередной серии детского (!) приключенческого сериала «Power rangers», который широко транслировался в начале 2000-х годов многими региональными телекомпаниями и в России, показывают, что дети переносят в свои игры стереотипы насилия, навязанные им героями сериала. Постепенно их взаимоотношения нормализуются, но только до тех пор, пока не появится очередная серия [9; 10, с. 98–100].

Следует подчеркнуть, что не только насилие является фактором привлечения всеобщего внимания к продукции СМИ. «Игры, юмор в коротких штанишках, сериалы, ток-шоу», плюс новости – вот тот набор, который, согласно исследованиям, обеспечивает интерес к программам любого телеканала [11].

Но информационное насилие становится не только неизбежным, а даже *необходимым* эмоциональным фоном, который начинает распространяться на все сферы жизни. Ведь это «новое» качество социальной информации соотносимо с физиологизмом и потребностью человека быть готовым к физическим угрозам извне, т.е. с теми качествами, которые человек приобрел в онтогенезе как особь, а не как личность. «Призрак насилия, – пишет Д. Нейсбит, – на наших экранах проникает в нашу память, наши сны, наши разговоры, но мы продолжаем настаивать, что это доброкачественное, почти воспитательное насилие» [12, с. 21].

В Европе по этому поводу тревогу бить начали достаточно давно. Результаты, впрочем, не слишком впечатляющи. Так, в Германии назначенная *федеральным правительством* в 1987 году комиссия по насилию выделяет особенную роль средств массовой информации. Некоторые результаты работы комиссии представляют, на наш взгляд, интерес не только для Германии: перенос акцентов исследований с информационных технологий на воспринимающее сознание явственно сигнализирует о переходе в новую, постинформационную стадию.

СМИ, утверждают авторы, играют все большую роль, которая раньше вменялась в обязанность школам, церкви и семье, и имеют влияние на ценности, целевые установки и стили отношения в обществе, а телевидение стало «основным инструментом индустрии сознания» [5, с. 82]. Средства массовой коммуникации хотя и

заменяют собой прежние прочные социальные институты, однако нравственные ценности, которые они несут с собой, если вообще позволено говорить о каких-либо нравственных ценностях в современных СМИ, не представляют собой адекватной замены прежним основам мировоззрения. Ситуация становится угрожающей, считают исследователи.

Так, СМИ содействуют утверждению социальных клише, «образов врага» через «упрощенную и вместе с тем неизбежно фальсифицированную иллюстрацию действительности». Клишированные представления очень опасны, поскольку на их основе, скажем, простой оппонент прямо идентифицируется с врагом.

Однако если быть более точным, то следовало бы все-таки сказать, что это не только клише, то есть повторение определенных стереотипов, ставших устойчивыми представлений, но упрощенное, примитивизированное, а стало быть, искаженное клише, искаженная картина мира, выдаваемая массмедиа за реальность.

Участие людей в общественной жизни становится в таких условиях все более незначительным: *отход от общности, социальная дезинтеграция* способствуют развитию девиантных отношений и преступности в самых различных ее проявлениях.

Телевидение методично и неизбежно создает мрачную картину действительности. Это вызвано тем, что релевантная для телевизионного языка информация чаще всего носит агрессивно-разрушительный характер: сенсационность, к которой стремятся СМИ, может привести к формированию негативных представлений о мире. Выделение социальных катастроф и катастроф окружающей среды, а также политических и экономических скандалов ведет к тому, что в значительной части аудитории, и прежде всего у молодежи, возникает «настроение последнего срока».

Особенное значение для стимулирования различных видов преступности, в том числе с элементами насилия, имеют сами изображения насилия в качестве некоей неизбежной данности и, как следствие, *легитимация насилия* в средствах массовой информации. Изображение насилия – это вербальная и/или оптическая презентация физического и психического насилия. Согласно выводам исследователей, сознательное занижение социальной роли, атака на самосознание и достоинство отдельных социальных групп в телевизионных программах также фактически оправдывают насилие. Особенно это касается женщин, чье достоинство и честь унижаются, в частности, порнографическими картинками.

Изображение насилия имеет значительную долю во всех программах телевидения, однако в

анализе его причин реципиентам отказывают регулярно. Насилие просто оправдывается силой, идеализируется и предстает на экране в виде бессвязной action. Картины насилия непосредственно запечатлеваются в сознании, поскольку информация, предлагаемая этими картинками, вовсе не стимулирует размышления.

Очень показательные положения: СМИ, и телевидение в первую очередь, используют информацию как механический импульс, «цепляющий» за рефлекс. А аудитория, подчиняясь правилам заложенной в нее этической модели, осваивает эти раздражители, вырабатывая на них соответствующие социальные ответы. В результате возникает сосуществование двух противопоставленных миров: электронно-технического мира медиальной информации (мир журналистов и медиаторов) и социально обусловленного мира культурных и этических ожиданий (мир аудитории).

Германию вполне можно отнести именно к «информационно богатым» (Г. Шиллер) странам. Тем не менее социальная информация, искаженная технологической обусловленностью медиального языка, приводит и здесь к ужасающим последствиям. Уместно также подчеркнуть, что насилие – не единственный изъян изощренной суггестии, обрушивающейся на головы потребителей (чем более развита страна, тем больше каналов воздействия).

Результаты этой ситуации, ставшей уже привычной и как бы оправданной, таковы. Кажущиеся успешными агрессивные модели изменяют постепенно установку по отношению к насилию, что ведет к *тривиализации* насилия, к тому, что насилие может быть понято как практическое средство решения проблемы, как «законное, нормальное положение дел», как допустимый способ решения конфликтов.

Телевизионная интерпретация действительности меняет наши представления о ней и даже наши с ней отношения.

Насилие на телеэкранах может пониматься также как *мотивация* для насильственного поведения. Телевизионное внимание становится в некоторых случаях непосредственным стимулом для преступника, поводом попасть «на сцену», прославиться. Достаточно вспомнить чеченских «идеологов» терроризма и картины казней, которое смаковало российское телевидение, притворно сокрушаясь по поводу ударов по психике зрителей.

Одностороннее представление отчета об эскалации насилия, например, в момент агрессивных демонстраций и или во время больших спортивных мероприятий может создавать эф-

фekt *self-fulfilling prophecy* (*самовыполнение пророчества*), что будет актуализировать ориентированные на агрессию виды ожидания и провоцировать к выходу за разумные границы «мирных» посетителей и, конечно, участников, заранее настроенных на насилие.

Внутренняя логика средств массовой информации, их способ функционирования, избирательность их внимания и выбор сообщений находятся в постоянном противоречии между долгом летописца и ценностями, направленностью сообщений, к тому же в инструментальном отношении хорошо обеспеченных. Сплошь и рядом темы насилия получают развитие, порой это происходит на основе симпатии к исполняющим насилие.

Самое примечательное, однако, в этой весьма своевременной научной акции, предпринятой в Германии, заключается в том, что Комиссия по насилию оказалась совершенно беспомощной перед накатывающимся валом изучаемой ею агрессии, который обрушивается на общество, подчиняя его себе, – вплоть до оправдания преступников и преступлений. В демократическом государстве, где свобода печати принадлежит к высшим ценностям, не остается никакого другого пути, кроме как апеллировать к самоответственности, самокритике, самоограничению средств массовой информации.

Это – тупик, превращающий в абсолютную бессмыслицу все предыдущие педантичные выкладки и рубрики. Они никем не будут исполняться. «Глас вопиющего в пустыне» – вот метафора подобного морализаторства и обращения к здравому смыслу и морали СМИ. Система, созданная для агрессивного и все более масштабного воспроизводства и самопорождения информации, не может сделать стержнем своего существования этику: продается новость, пусть и искусственно созданная, а ее этическая «упаковка» не имеет особенной цены.

Телевидение оказалось в двусмысленном положении. Насилие – неотъемлемая часть существования общества. Микшировать насильственные сцены – значит создавать неполную картину мира. С другой стороны, акцентирование насилия и агрессии может привести, и приводит, к их эс-

калации – своего рода заколдованный круг, хорошо иллюстрирующий замкнутость, конечность технократической цивилизации. Но главное, «стерильного», ненасильственного телевидения быть не может: крупный план сродни порнографии (Ж. Бодрийяр)! Доводя до логического предела этот парадокс, можно сказать, что телевизионная интерпретация мира как таковая уже сама представляет собой акт агрессивного, насильственного вторжения в реальность. Телевидение противопоставлено миру, оно оппонирует реальности, борется с ней и... побеждает.

Список литературы

1. Huessmann L.R., Moise J. Media violence; A demonstrated public threat to children // Harvard Mental Health Letter. 1996. Vol. 12.
2. Разлогов К.Э. Виновато ли кино в распространении терроризма? // Свободная мысль – XXI. – 2001. № 8. С. 109.
3. Feshbach S. The catharsis hypothesis and some consequences of interaction with aggressive and neutral play objects // Journal of Personality. 1956. № 24. P. 449–462.
4. Лацис А., Кейлина Л. Дети и кино. М.: Театро-печать. 1928.
5. Schwind Hans-Dieter / Jürgen Baumann / Ursula Schneider / Manfred Winter (Hrsg.) Ursachen, Prävention und Kontrolle von Gewalt. Analösen und Vorschläge der Unabhängigen Regierungskommission zur Verhinderung und Bekämpfung von Gewalt (Gewaltkommission). Bd. II: Endgutachten und Zwischengutachten der Arbeitsgruppen. Berlin, 1990.
6. Дроздов А.Ю. «Агрессивное» телевидение: социально-психологический анализ феномена // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 62–90.
7. 100 сцен насилия за вечер // Аргументы и факты. № 17. 2001.
8. Крумл Милан. Феномен ток-шоу // Литературная газета. 2000. № 3. 19–25 января.
9. Czaja Dieter (Hrsg.) Kinder brauchen Helden. Power Rangers & Co. unter der Lupe. München, 1997.
10. Aufenanger Stefan et al. Gutes Fernsehen – schlechtes Fernsehen!? München, 1999: S. 98–100.
11. Костенко-Попова О. На что поймать зрителя?// Аргументы и факты. 2002. № 35. Август.
12. Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005.

TELEVISION VIOLENCE AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF THE AUDIENCE'S VISION OF THE WORLD

A.N. Fortunatov

There exists a contradiction between the phenomenon of violence and its interpretation by the modern media, especially by TV. Any attempts to curb the information aggression are confronted by the ambivalent status of the media in the society: the duty of the chronicler is in contradiction with ethics. The resulting legitimization and trivialization of violence is a direct consequence of lack of ethical and social control over TV and other mass media.

Keywords: violence, television, reality, audience.